

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ И В МАНЬЧЖУРИИ В СРЕДЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ (вторая половина XIX — середина XX в.)*

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,
кандидат исторических наук

Феномен российской благотворительности XIX — первой половины XX в. совсем не исследовался в советский период, ибо противоречил идеологическим установкам отечественной историографии. Только в 90-е годы наметился отход в общественном мнении от отрицательной оценки деятельности предпринимателей-филантропов. Отказ от старых стереотипов способствовал утверждению в исторической литературе мнений о необходимости многоаспектного изучения истории российской благотворительности.

Приоритет в постановке проблемы принадлежит зарубежным исследователям, которые согласно традициям западной школы главное внимание уделяли институтам благотворительности и их функционированию. В изучении же филантропии отечественными специалистами преобладало жизнеописание русских благотворителей — братьев Третьяковых, династии Морозовых, Саввы Мамонтова и др.¹

В начале 90-х годов XX в. появляются работы о женской благотворительности в дооктябрьской России, в которых представлен целый ряд женщин, ставших образцами самоотверженности в деле помощи больным и инвалидам, поддержки малоимущих, бедняков, — от великой княгини Елизаветы Федоровны, графини С.В. Паниной и до активисток благотворительности конца XIX — начала XX в. М.В. Трубниковой, А.П. Философовой, А.Н. Шабановой и др.²

Однако в научной литературе еще не сложилось единого, общепринятого представления о сущности, содержании благотворительной деятельности, ее периодизации. Многие нынешние теоретические взгляды и концепции, касающиеся различных аспектов благотворительности в России, дискуссионного характера. Объясняется это и малоисследованностью темы, особенно в региональном плане, и тем, что большинство имеющихся работ отличается фрагментарностью, отсутствием целостного взгляда на анализируемое явление.

Что же касается проблем благотворительности русских эмигрантов, то, несмотря на научную и общественную значимость, она не получила должного освещения в современной исторической литературе. В результате исследование данной темы в российской исторической науке переживает начальный этап, отличающийся рядом особенностей. Первая — становление новой проблематики на академическом уровне связано прежде всего с исследователями, родивши-

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН № 06-III-A-11-442.

мися в послевоенный период и проживавшими в России. Вторая — существуют сложности, связанные с отсутствием многих важных источников по филантропической деятельности российских эмигрантов, теоретических достижений и терминологических особенностей, выработанных в сопредельных областях гуманитарной науки.

Рассматривая эти проблемы, следует подчеркнуть, что речь пойдет о благотворительности как общественной активности, связанной с передачей юридическими и физическими лицами (но не субъектами государства) денежных и материальных средств и с личным сотрудничеством частных лиц в деле помощи нуждающимся. Этическими основами ее явились:

- во-первых, православные идеалы от святых и русских князей киевского периода до проповедников XVIII—XIX вв. Тихона Задонского и Иоанна Кронштадтского. Щедрая милостыня накануне Рождества и Пасхи была для русских непременным атрибутом подготовки к этим праздникам;
- во-вторых, увлечение гуманистическими идеями. В XIX в. место патриархальных религиозных идеалов заменяют идеалы европейского гуманизма с его идеями общественной и моральной обязанности личности делать добро для других;
- в-третьих, идея служения народу, осознанная русской интеллигенцией как долг перед своей Родиной.

Накопление и синтез этих моральных качеств, а также восприятие западных принципов научно-организованной благотворительности в условиях складывавшейся социально-экономической жизни русских привели к взлёту благотворительности. Инициатором её была передовая часть русской интеллигенции, вдохновлённая этими идеями и убеждённая в том, что помощь страждущим есть обязанность образованного слоя. В историческом процессе благотворительность развивалась от подаяния и милостыни до создания крупных организаций и фондов на основании системы законов.

Думается, что без серьезной работы по изучению истории благотворительности на Дальнем Востоке и в Маньчжурии невозможно перейти от первоначального накопления материала к серьезной разработке основных этапов развития этого движения в регионе. При этом, с одной стороны, мы должны подойти к отдаленному прошлому без излишней идеализации, с другой — необходимо увидеть в различных номинациях, разных регионах и исторических эпохах движение единого процесса в своей логике, со своим феноменологическим рядом и своим историческим образом, меняющим свой рефлексивный и экзистенциальный план.

В научной литературе существует множество различных периодизаций российской благотворительности в зависимости от положенного в их основы критерия. Довольно интересной и серьезной попыткой периодизации развития в России благотворительной деятельности представляется схема, предложенная Б.Ш. Нуваховым и И.Г. Лавровой. Авторы исходят из трех действительно существенных критериев: «социальной потребности в благотворительной помощи»; «условий развития благотворительности»; «характерных особенностей милосердия и благотворительности»³. Они выделяют и обосновывают 8 этапов с XVII в. до 1918 г. — года закрытия всех благотворительных организаций в стране.

А.Р. Соколов, тщательно проанализировав имеющиеся схемы и выявив в них существенные недочеты, в качестве рабочей гипотезы предложил собственную периодизацию истории российской благотворительности. Она основана на трех критериях, предложенных Б.Ш. Нуваховым и И.Г. Лавровой, и на признании автономности благотворительности как социально инновационной

деятельности, развитие которой способно не только следовать за создаваемыми властью «условиями», но и совершенствоваться вопреки им⁴. Он выделил и обосновал десять этапов с середины XVI в. до 1917 г.

Несмотря на серьезный и подробный анализ имеющихся на сегодня периодизаций, ни одна из них не раскрывает специфику процесса благотворительной деятельности на Дальнем Востоке, а тем более в Маньчжурии, в среде российской эмиграции. В основу выделения этапов развития благотворительности как на российском Дальнем Востоке, так и в Маньчжурии можно положить те же три критерия, которые были предложены Б.Ш. Нуваховым и И.Г. Лавровой.

Предлагаемая нами периодизация, с одной стороны, следует традициям русской революционной историографии в области общественного призрения и благотворительности, с другой — мы выделяем новую логику развития процесса, исходя из появившихся способов помощи и взаимопомощи у российских эмигрантов в Маньчжурии.

В истории благотворительности на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии на основе названных критериев можно выделить ряд важных этапов.

Первый — конец 90-х годов XIX в. — начало XX в. Во второй половине XIX в. шел активный процесс освоения дальневосточных земель России. Этому способствовало множество факторов, наиболее значительные из них — установление четкой границы между Россией и Китаем, возвращение русских земель; крестьянская реформа 1861 г., вызвавшая приток населения в дальневосточный регион. Правительство в это время проводило интенсивную переселенческую политику, вследствие чего численность населения Дальнего Востока увеличилась в несколько раз.

Следует учесть и тот момент, что в период становления Дальнего Востока возникла объективная необходимость в развитии духовной культуры, образования и науки, просвещения и здравоохранения в отдаленном крае. Но все важные проблемы не включались в программы развития территории и вследствие этого не финансировались царским правительством.

На Дальнем Востоке благотворительность как общественная система призрения сложилась к концу XIX в. с создания благотворительных обществ во Владивостоке (1876), Благовещенске (1886), Хабаровске (1890), Николаевске-на-Амуре (1898), Никольске-Уссурийском (1901) и других городах. К 1917 г. на дальневосточной окраине России было уже более 40 благотворительных обществ⁵. Благотворительное движение, активно развивавшееся в крае, было призвано не только закрепить переселенцев на землях отдаленных районов страны, но и решить вопросы освоения и становления Дальнего Востока.

Русско-японская и первая мировая войны дали всплеск новому витку благотворительной деятельности. Начинается **второй этап**, который продолжался до 1917 г.; в этот период благотворительность превращается в важное общественное движение. Структура и порядок деятельности благотворительных организаций были подчинены выполнению военных задач: оказанию помощи раненым, предотвращению возникновения эпидемий, контроль за перемещением и оказание помощи гражданским беженцам.

Российскому Обществу Красного Креста, объединившему под своим флагом практически всю благотворительную деятельность, удалось создать действенную систему медицинских, гигиенических и других учреждений, сыгравших существенную роль в оказании помощи нуждавшимся. На этом этапе структурируется не только финансовая система поддержки, но и выявляются новые категории граждан: больные, нуждавшиеся в медицинской помощи, престарелые, безработные, нищие, семьи нижних чинов, призванных на дей-

ствительную службу, инвалиды войны, беженцы и др. В экстремальных ситуациях активно и сообща действовали все учреждения благотворительности: частные, общественные, общественно-государственные. Следует подчеркнуть, что именно в это время (до 1917 г.) постепенно формируется особая негосударственная сфера социума, где люди могли осуществлять свои гражданские права через самостоятельные ассоциации.

После 1917 г. до конца 80-х годов XX в. как по всей стране, так и на Дальнем Востоке России работа по поддержке детей, женщин, семей, молодежи, ветеранов вела государственная служба социального обеспечения населения (собесы). 1917—1923 годы стали периодом нового всплеска благотворительного движения, но уже в Маньчжурии. Оно представляло собой закономерный процесс, основанный на опыте дореволюционного филантропического движения в России. Несомненно, его развитие в этом регионе было связано с ростом русского населения главным образом за счет беженцев, чей жизненный уровень был очень низок и степень адаптации к новым условиям незначительна.

Растущее количество бедных и безработных в среде российской эмиграции стало серьезной социальной и психологической проблемой, за решение которой взялись сами эмигранты. Развитие получила частная, церковная и частично общественная (но не государственное призрение) благотворительность в отличие от России, где вопреки помощи малоимущим и нуждавшимся в дореволюционный период вопрос решался на всех уровнях — государственном, муниципальном, сословном. Благотворительная деятельность стала существенным адаптивным механизмом, снижавшим повседневные стрессы эмигрантов, в том числе женщин, вынужденных самостоятельно обеспечивать свое существование на чужбине.

С середины 20-х и в течение 30-х годов отмечается новый подъем благотворительности среди российских эмигрантов, что было связано со значительным уходом из советской России приграничного сельского населения, недовольного сутью и методами проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, осуществлявшихся в большинстве случаев насильственными методами. Так, только в 1931 г., по неполным данным, в Маньчжурию прибыло 405 чел.⁶, которые нуждались в крове, пище, одежде, работе и др. В эти годы благотворительность стала приобретать новые формы, и главный акцент в этой деятельности был направлен на поддержку образования и трудоустройство российских эмигрантов.

Новая волна благотворительности развернулась в годы второй мировой войны (1939—1945). Война оказалась такой экстремальной ситуацией, которая всколыхнула духовные силы многих русских эмигрантов и побудила у них стремление к милосердию, способствовала дальнейшему развитию разных форм и методов помощи (чего до этого не наблюдалось): медико-социальная (поддержка инвалидов); призрение сирот-воинов; трудоустройство нуждавшихся; выдача денежных пособий малоимущим; организация жилья и питания и медицинская помощь беженцам; создание столовых для населения. Следует подчеркнуть, что все благотворительные организации выделяли единовременную помощь русским эмигрантам, оказавшимся в сложных, экстремальных ситуациях.

Система благотворительной помощи на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. представляла собой разветвленную сеть. В зависимости от критериев можно по-разному классифицировать российскую благотворительность. Если в качестве такового брать источники финансирования, то она подразделяется на общественно-государственную, общественную и частную.

К общественно-государственной благотворительности следует отнести деятельность учреждений, которые финансировались не только за счет членских взносов и частных пожертвований, но и за счет государственных средств, таких как Ведомство учреждений императрицы Марии (включало в себя Попечительство Государыни Императрицы Марии о глухонемых и Попечительство Государыни Императрицы Марии Александровны о слепых, Российское Общество Красного Креста, Александровский комитет о раненых). На Дальнем Востоке особо активно действовали местные отделения Российского Общества Красного Креста (РОКК). Это общество осуществляло сбор пожертвований и организовывало медицинскую помощь больным, раненым и пострадавшим от стихийных бедствий.

В Благовещенске отдел РОКК был образован в 1871 г. В марте 1895 г. в городе сформировали Дамский комитет по устройству общины сестер милосердия, с 1903 г. получивший название Комитет Благовещенской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста⁷.

В годы русско-японской войны комитет организовал сбор пожертвований с целью увеличения приемного покоя общины с 5 до 22 коек, а также занимался подготовкой женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными. 12 сестер милосердия были направлены комитетом в лазареты военного ведомства в Маньчжурию. Кроме того, отдел РОКК в Благовещенске открыл временный лазарет Красного Креста для лечения раненых и больных воинов, который функционировал с июля по сентябрь 1904 г. Городская дума выделяла лазарету единовременные ссуды, а население жертвовало деньги, вещи, продукты питания. Всего с начала войны с Японией по январь 1906 г. благовещенцы пожертвовали на нужды РОКК более 22,5 тыс. руб.⁸

С 80-х годов отделение Российского Общества Красного Креста действовало во Владивостоке. Членом отделения с декабря 1891 г. был избран А. Даттан, гласный городской думы ряда составов, известный меценат. В 1903 г. с соизволения покровительницы РОКК императрицы Марии Федоровны по постановлению Главного управления общества за значительную помощь этой организации А. Даттан получил право ношения Знака Красного Креста⁹.

В период так называемого «боксерского восстания» в Китае в Хабаровск прибыли Московский земский лазарет и специальный отряд РОКК для помощи в подготовке сестер милосердия¹⁰. К этому времени в городе действовали Приамурское окружное управление Российского Общества Красного Креста (организовано в 1894 г., одно из шести окружных управлений РОКК в стране) и Александро-Ксениинская община сестер милосердия Красного Креста. Община начала свою работу в июне 1896 г., когда в город приехали из европейской части страны сразу шесть опытных сестер милосердия во главе со старшей сестрой М.А. Кондыревой, много лет отдавшей работе в РОКК, награжденной русскими и сербскими орденами. Свое название община получила от сочетания имен Великого князя Александра Михайловича и его супруги Ксении Александровны, дочери императора Александра III.

Особое внимание в эти годы уделялось детям, оставшимся без родителей. Первыми учреждениями на восточной окраине России стали детские приюты, созданные в 50-х годах XIX в.: Николаевский в Троицкосавске (1851) и Мариинский — в Чите. В частности, женский детский приют ведомства императрицы Марии Федоровны (Мариинский), организованный в 1858 г., располагался в большом деревянном доме и был официально открыт 15 июля 1860 г. Его опекали губернаторы Забайкальской области и их жены.

В начале XX в. действовали детский приют Благотворительного общества Владивостока, Хабаровский детский приют «Ясли», Ольгинский детский приют трудолюбия Хабаровского благотворительного и попечительного общества¹¹.

Значительное внимание было уделено детям в годы первой мировой войны. Поскольку не предусматривалось никаких отсрочек по призыву в армию вдовцов и опекунов, значительное число детей осталось «без всякого призора». В 1914 г. только в Приморской области было выявлено 36 беспризорных детей, в том числе во Владивостоке — 6, в Никольске-Уссурийском — 5. Сбор средств в пользу детей осуществлялся повсеместно. Как подчеркивал «главный начальник» Приамурского генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти, в первую очередь помогали «...детям, оставшимся без призора после ухода в армию их отцов и опекунов. Все такие дети при помощи благотворительных обществ были помещены в существующие в городах края детские приюты и ясли, в ремесленные и общеобразовательные учебные заведения, освобождены от уплаты за право учения и снабжены учебными пособиями и одеждой»¹².

Субъектами общественной благотворительности были прежде всего общества, финансовые средства которых составлялись из взносов их членов, единовременных частных пожертвований и процентов с ценных бумаг. К этому типу относились общества помощи учащимся в начальных и средних учебных заведениях, общества вспомоществования нуждающимся учащимся, общества попечения о народном образовании и др.

В Забайкалье первое общество подобного типа — «Общество вспомоществования учащимся» — было открыто в Троицкосавске (1899). Оно имело четкую организационную структуру и капиталы, сформировавшиеся за счет членских взносов, частных пожертвований. Группы активистов осуществляли основную работу — сбор и распределение частных пожертвований и привлечение новых членов. В результате проведения реформы в общеобразовательной системе благотворительная деятельность забайкальских обществ распространялась не только на территории Забайкалья, Сибири, но и на территории Центральной России, где общества оказывали помощь учащимся. В состав Попечительских советов центральных учебных заведений входили представители сибирского купечества и мещанства¹³.

В Хабаровске активно работали Общество распространения народных развлечений и начального народного образования и Общество содействия нуждающимся учащимся. Последняя организация стремилась сделать образование доступным для всех без исключения детей города вне зависимости от достатка семей, оплачивала малообеспеченным детям учебу, назначала им стипендии, оказывала иную помощь.

К 1917 г. такие общества были практически в каждом населенном пункте края. Благодаря их деятельности в дореволюционный период на Дальнем Востоке было построено и функционировало более тысячи школ, в которых обучалось несколько десятков тысяч школьников. Практически 85% расходов, которые ранее несло само население, было собрано в результате деятельности обществ¹⁴.

Общественная благотворительность, начавшаяся на Дальнем Востоке (призрение больных, бедных, сирот, инвалидов, стариков), превратилась к концу XIX в. во всеобщий патриотический подъем, который способствовал быстрому освоению, развитию и культурному росту края. Набирала силу и частная благотворительность. Ее представители оказывали различную помощь — от борьбы с детской смертностью, призрения нищих и больных до поддержки

деятелей науки, искусства и культуры. Филантропическую деятельность на Дальнем Востоке вели М.И. Суворов, братья Пьянковы, А.А. Масленников и многие другие. Особо следует отметить М.И. Суворова, который занимал особое место в анналах истории Владивостока. Им были построены многие здания в городе (главный корпус Восточного института, здание женской гимназии), он оплачивал учебу обездоленных детей, особо участвовал в жизни Владивостокского коммерческого училища. За свою благотворительность М.И. Суворов еще при жизни удостоился высокой чести — его именем было названо Второе женское городское начальное училище, которому он пожертвовал огромную сумму денег¹⁵.

Весьма щедрой была помощь в поддержку открытого в 1899 г. во Владивостоке Восточного института А. Даттана, одного из владельцев фирмы «Кунст и Альберс», гласного Владивостокской думы нескольких созывов. В 1899 г. он пожертвовал почти 100 тыс. руб. на строительство общежития института, оборудованного новейшими средствами — центральным отоплением и электричеством; в 1900 г. затратил 12 тыс. руб. на сооружение при институте церкви, а в 1906 г. внес единовременно 3 тыс. руб. на строительство нового общежития. А. Даттан выделял средства на ремонт здания, приобретение мебели и другого инвентаря, создания площадки для гимнастических упражнений. С 1909 по 1915 г. он ежегодно отчислял от 1 до 3 тыс. руб. на организацию командировок студентов в страны Востока для практического изучения языков, а в 1910 г. выделил капитал в 10 600 руб., на проценты с которого была учреждена стипендия на ежегодные поездки за границу одного студента института. А. Даттан содержал льготную столовую для студентов, финансировал их лечение и т.д. Материальная помощь А. Даттана Восточному институту, а также Владивостокской мужской гимназии, членом попечительских советов которых он был с 1891 по 1903 г., составила сумму примерно в 200 тыс. руб.¹⁶

Большую помощь в создании школьной системы в Хабаровске оказали известные купцы М.И. Чардымов, А.Ф. Плюснин, И.Р. Рафаилов. Они стали инициаторами учреждения первой школы в городе. Плюснин пожертвовал школе свой собственный дом, Чардымов обязался выплачивать ежегодное пособие в 800 руб., а Рафаилов взял на себя труд по организации учебного процесса¹⁷.

Широкие слои общественности, прежде всего состоятельные люди, оказывали активную поддержку не только всем звеньям образовательной сферы, но и различным формам просветительства, которые осуществляли народные дома, библиотеки, различные общественные объединения и др. Благотворительность в регионе проходила по тем же направлениям, что и в Европейской России, но имела некоторые отличия, обусловленные территориальной удаленностью, приграничным положением края, демографическими и национальными особенностями (переселенцы, ссыльные, наличие значительного пришлого населения из сопредельных стран и т.д.).

В ноябре — декабре 1917 г. были упразднены благотворительные учреждения и общества, Совет детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии и т.д. Народный комиссариат государственного призрения (НКГП) в центре и на местах занимался вопросами социального обеспечения населения.

Однако система благотворительности почти в таких же формах, как и в до-революционной России, продолжала существовать и развиваться в Маньчжуррии, в среде русских эмигрантов.

Инициаторами ее явилась передовая часть русской интеллигенции, убежденная в том, что помощь страждущим есть обязанность образованного слоя.

Опираясь на российский опыт и традиции, они развернули в Маньчжурии работу по созданию сети благотворительных организаций, учреждений и обществ, на формирование которых оказали влияние особенности региона (геополитические, демографические, социально-экономические), где острее ощущалась потребность русских поселенцев в медико-социальной и материальной поддержке и помощи.

К началу 20-х годов XX в. в Маньчжурии сложились вполне определенные традиции благотворительной деятельности. Можно утверждать, что к этому времени она вылилась в постоянные формы, в которых просуществовала до последних дней «русского эпизода» в Маньчжурии.

Постепенно усложнявшаяся обстановка экономической и общественно-политической жизни в связи с увеличением пришлого населения в Маньчжурии послужила толчком к образованию целого ряда благотворительных организаций частного характера, которые возникали на средства старожиллов и приобретали полукommerческий характер, так как принимали лиц, нуждавшихся в призрении, за определенную плату. Бесплатно содержались в учреждениях не более 200 чел., что составляло около 14% всех нуждающихся¹⁸.

Общая особенность этих организаций заключалась в том, что их финансирование складывалось из трех основных источников: пожертвований, привлечения средств местных органов управления, доходов от коммерческой деятельности. Но, несмотря на различные источники финансирования, у благотворительных организаций была главная цель — оказывать материальную и медико-социальную помощь.

У истоков благотворительного движения в Маньчжурии стояли русские женщины, которые основали множество обществ и заведений, разнообразных по направленности действий. В 30-е годы в работе различных благотворительных организаций принимала участие 321 женщина¹⁹. Эти заведения занимали ведущее место в инфраструктуре женских движений. Благотворительная деятельность являлась существенным адаптивным механизмом, снижавшим повседневные стрессы женщин-эмигранток, вынужденных самостоятельно обеспечивать свое существование на чужбине. Широкое участие женщин в разных областях благотворительной работы было ярким и позитивным моментом в формировании русской диаспоры в Маньчжурии, однако в контроле над благотворительным движением доминировали мужчины.

После 1917 г. в Маньчжурии наряду с частной получает широкое распространение общественная благотворительность, субъектами которой являлись разнообразные общества, союзы, комитеты. К этому типу следует отнести Харбинское общество помощи инвалидам, основанное 24 сентября 1919 г. Из всех элементов послеоктябрьской эмиграции в самом тяжелом и гнетущем положении пребывали офицеры. Тут были и материальная нищета, и каждодневные моральные страдания, вызванные утратой социального статуса, и невозможность применения знаний, которым ранее была посвящена их жизнь. В 1923 г. был основан Союз русских военных инвалидов Маньчжурии (председатель генерал-майор М.Е. Обухов), который выдавал денежные пособия, ссуды не только военным инвалидам, но и их семьям.

Особенно большую работу в этот период проводил Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), организованный в 1923 г. Круг его благотворительной деятельности был широк. Он оказывал большую помощь беженцам в приобретении паспортов, в трудоустройстве, в предоставлении бесплатной медицинской помощи, помогал нуждавшимся продуктами и денежными пособиями.

Активно работали Харбинское благотворительное общество с его детскими приютами и родительский комитет Харбинских коммерческих училищ, Общество защиты детей (1913—1946), открывшее приют «Ясли», и др. Все эти крупные общественные организации с обширными программами имели годовые бюджеты в несколько десятков тысяч рублей и существовали главным образом за счет членских взносов довольно широкого круга лиц, постоянных членов этих организаций, единовременных крупных пожертвований, а главное, за счет средств, полученных от устраиваемых периодически благотворительных базаров, балов, выставок, концертов и т.д. Выручка от этих мероприятий составляла основную статью поступления средств для благотворительности. Объектом их внимания были сотни детей малосостоятельных родителей, престарелые инвалиды, женщины, оставшиеся без кормильца с малыми детьми на руках.

В период оккупации Маньчжурии Японией, после основания Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) в 1933 г., было принято решение об организации в составе БРЭМа самостоятельного отдела по оказанию помощи нуждавшимся. Приказом от 11 апреля 1935 г. был создан 5-й благотворительный отдел в составе Бюро, начальником которого стал М.А. Демишхан²⁰.

Вновь организованный отдел относился к типу общественных благотворительных организаций. Его финансирование складывалось из добровольных пожертвований и ежегодных одного «кружечного» сбора и одного «счастливого базара». В поисках средств для своего существования и оказания помощи нуждавшимся эмигрантам отдел на страницах местной печати неоднократно обращался к состоятельным слоям русской эмиграции, а также к отдельным лицам с просьбой поддержать неимущих. Нередко многие русские эмигранты становились постоянными жертвователями отдела и своими ежемесячными взносами содействовали помощи малоимущим семьям, детям-сиротам, инвалидам, престарелым.

Защищал интересы эмигрантов и распущенный советским правительством в 1918 г., но восстановленный в 1920 г. за рубежом Русский Красный Крест. Его главной задачей в годы войны была помощь больным и раненым воинам, после войны — помощь беженцам. Располагая средствами, поступившими от белых армий, Международного Красного Креста, Русский Красный Крест взял на себя заботу о госпиталях, домах призрения, сиротских приютах.

Развивалась в Маньчжурии и церковная благотворительность. Большой популярностью в 30—40-е годы пользовалась Серафимовская народная столовая, открытая в 1933 г. при Иверской церкви в Харбине по инициативе протоиерея Николая Вознесенского. Значительная поддержка столовой оказывалась путем устройства различных обедов, «кружечных сборов», «счастливых базаров», лотерей, концертов, спектаклей.

Следовательно, благотворительное движение в Маньчжурии являлось закономерным процессом, основанным на опыте дореволюционного филантропического движения в России. Его формирование происходило одновременно с ростом русского населения в этом регионе под влиянием социально-политических и демографических факторов и имело как общие черты с благотворительностью в Российской империи, так и свои особенности. Значение благотворительных обществ в Маньчжурии было особенно велико, поскольку они позволяли найти применение своим силам и знаниям, сохранить веру в себя, разобраться в сложной жизненной ситуации. Участвуя в благотворительном движении, русские эмигранты поддерживали общественно-политическую жизнь страны расселения.

Таким образом, благотворительные общества, созданные в дореволюционный период как в России, так и на Дальнем Востоке, представляли собой наиболее многочисленный вид общественных организаций, которые позволили представителям различных социальных групп реализовать себя в служении народу, исполнении гражданского долга. Благотворительная деятельность, являясь в глазах властей наименее подозрительной, получила весьма широкое развитие на Дальнем Востоке в 90-е годы XIX в. Прерванное в 1917 г. в России благотворительное движение стало развиваться в Маньчжурии, помогая русским эмигрантам выжить.

Знание истории благотворительности в России и ее регионах, учет исторического опыта соотношения государственного, общественного и частного компонентов могут быть не только интересны, но и практически полезны в наше время при создании новых форм социальной и духовной помощи нуждающимся.

-
- ¹ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-е — 1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Шапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994. С. 84—88.
- ² Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50—60-е гг. XIX в. Л., 1984; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России. 1860—1917. Иваново, 1994.
- ³ Нувахов Б.Ш., Лаврова И.Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII—XX вв. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. № 4. С. 52.
- ⁴ Соколов Р. Российская благотворительность в XVIII—XIX вв. // Отеч. история. 2003. № 6. С. 153.
- ⁵ Белоусов А.А. На алтарь Отечества: Из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток, 1999. С. 14—15.
- ⁶ ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 115, л. 29, 30.
- ⁷ Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск, 1911. С. 235.
- ⁸ ГААО. Ф. 8-И, оп. 1, д. 57, л. 48, 60—61, 64; Обзор Амурской области за 1905 год. Благовещенск, 1908. С. 8—11.
- ⁹ Молчанова Е.Г. Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. С. 180; Памятники истории и культуры Приморского края: материалы к своду. [Владивосток], 1991. С. 39; ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 115, л. 29, 30.
- ¹⁰ ГАХК. Ф. 849, оп. 1, д. 4, л. 72.
- ¹¹ Молчанова Е.Г. Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке... С. 178—179; Отчет о ходе и положении дела благотворительного и попечительного общества Ольгинского детского приюта трудолюбия г. Хабаровска за 1905 г. Хабаровск, 1907; Там же за 1907 г. Хабаровск, 1908.
- ¹² Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 202.
- ¹³ Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 19.
- ¹⁴ Белоусов А.А. На алтарь Отечества: Из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток, 1999. С. 16.
- ¹⁵ Там же. С. 124, 125, 127.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 506, л. 37—38.
- ¹⁷ ГАХК. Ф. 849, оп. 1, д. 4, л. 43—45.
- ¹⁸ Там же. Ф. 830, оп. 2, д. 164, л. 114—115.
- ¹⁹ Там же. Оп. 1, д. 202, л. 1—6.
- ²⁰ Там же. Оп. 2, д. 136, л. 31, 34.

SUMMARY. The author of the article “Philanthropy in the Far East and in Manchuria among Russian emigrants (the second half of the 19th — 20th cc.)” Candidate of Historical Sciences Svetlana Lazareva underlines that the knowledge of the history of philanthropy in Russia and its regions and taking into consideration its historical experience could be useful nowadays while creating new forms of social and spiritual help.